

П. Е. ЩЕГОЛЕВ

**ИЗ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА
ПУШКИНА**

*ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ
ИСПРАВЛЕННОЕ
И ДОПОЛНЕННОЕ*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА

1 9 3 1

ЛЕНИНГРАД

Гершензон собрал в этой книжке статьи о Пушкине. Некоторые из них уже появлялись в сборниках его статей (напр. в «Образах прошлого»), другие появляются впервые в отдельном издании, и, наконец, одна из них — «Скрижаль Пушкина» — видит впервые свет печати.

Гершензон пользуется видной репутацией ученого исследователя русской литературы. Им опубликован ряд важнейших материалов для истории нашей культуры и литературы — здесь заслуги его непререкаемы. Главная ценность его историко-литературных работ создавалась обилием свежего и интересного материала. В разработке материала сказывались уже с первых работ субъективные особенности автора, его индивидуальность, своеобразие его общего мирозерцания. Но там, где между читателем и автором был новый и важный материал, там эти субъективные черты исследовательской работы отодвигались на второй план и не приносили особого ущерба, но там, где у Гершензона не оказывалось под рукой материала, — там выпирали наружу особенности гершензонского метода работы: крайний субъективизм, чрезмерное доверие к собственной интуиции, пренебрежение к трудам других исследователей, своеобразный мистический подход к предмету исследования и мистическое углубление любой темы.

Работы Гершензона о Пушкине особенно типичны с этой точки зрения. Несколько лет тому назад (в 1911 г.) мне пришлось разобрать строку за строкой небольшой этюд Гершензона по запутанному и совершенно не освещенному вопросу пушкиноведения. («Северная любовь Пушкина».) Я вынужден был отметить ненаучные особенности его метода и констатировать их губительное влияние на результаты исследования. Исследование Гершензона оказалось с начала до конца чистойшей легендой, плодом не столько ученой рассудительности, сколько мечта-

¹ По поводу книги: М. О. Гершензона. «Мудрость Пушкина». Т-во «Книгоиздательство писателей в Москве». Стр. 229. М. 1919. Ц. 40 р. Статья была впервые напечатана в журнале «Книга и революция». 1920 г. № 2 (август).

тельного воображения. Воспроизводя свою статью в отдельном издании в 1912 г., Гершензон перепечатал ее без изменений, как бы не признавая моей критики, но не без чувства удовлетворения я вижу, что, внося эту статью в рецензируемую книгу, автор, наконец, сдался на мои доводы и выбросил из нее не мало страниц, но у него не хватило решимости выбросить всю статью, которая не имеет ныне никакого научного значения.¹

С годами указанные особенности ученого метода, в особенности доверие к интуиции, завладевали Гершензоном все более и более, не оставляя места объективной ученой работе. Исчезла личность исследователя, и все ярче и ярче выступала личность мыслителя-мистика, писателя-публициста, который прислушивается к своему внутреннему голосу, а не к голосу объективных фактов (это в ученых работах-то!), стремится не столько к установлению объективной истины, сколько к назидательному поучению. Историко-литературные работы перестали быть самоцелью, а стали средством для выявления мистического мировоззрения автора. Статьи Гершензона из исследований, полных фактических наблюдений, мало по малу обращались в своеобразные публицистические опыты на историко-литературных дрожжах, в какие-то мистические манифесты, ставившие вещи вниз головой и объявлявшие интуитивное чувство источником знания. Гершензону стало казаться, что для того, чтобы понять и изучить писателя, надо в сущности только уметь читать его. Он пришел к заключению, что никто до него не умел читать, например, Пушкина и что ключ к Пушкину дан ему, Гершензону, в процессе мистического восприятия. Стремление отыскать «вещь в себе» пушкинского творчества заставляло Гершензона проявлять оригинальность, во что бы то ни стало (если все до Гершензона говорили так, а не иначе, то именно потому Гершензон должен сказать иначе!); самые простые вещи оказывались тающими необычайные глубины, непостижимые ни для кого и открывшиеся только ему, Гершензону. Например, повесть Пушкина «Станционный смотритель» для Гершензона похожа на загадочную картинку для детей: «нарисован лес, а под ним напечатано: где тигр?» «Очертания ветвей образуют фигуру тигра; однажды разглядел ее, потом видишь ее сразу и дивишься, что другие не видят». Гершензон разгадал идею «Станционного смотрителя»: «она вся налицо, так что всякий может ее видеть, и однако все видят только лес». Открытие Гершензона — наивная и милая натяжка, не лишенная забавного остроумия, и только. «Метель» Пушкина тоже оказалась преисполненной особого смысла, уловленного только Гершензоном: Пушкин изобразил жизнь-метель не только как властную над человеком стихию, но как стихию умную, мудрейшую самого человека». «Жизнь, метель — слуга Власть-имущего»

¹ См. выше «Из разысканий и т. д.», стр. 150-152 и след.

(так Гершензон и пишет с большой буквы: Власть-имущий). Таковы же рассуждения Гершензона о «Памятнике» Пушкина. Расходясь в толковании этого стихотворения со всеми и выдвигая свои толкования, Гершензон с самоудовлетворением объявляет, что именно так, как он, должен понять Пушкина всякий разумный человек. Читателю предоставляется сделать вывод, к какой же категории в умственном отношении могут быть причислены исследователи, не согласные с Гершензоном. А новое толкование Гершензона — тоже натяжка, на этот раз докучная и нудная. Таким же вымученным построением отличается исследование Гершензона о «мудрости» Пушкина. Если о чьей мудрости можно получить представление по этому исследованию, то, конечно, о мудрости Гершензона. Не хочется спорить, не хочется полемизировать с ним, и не надо делать этого, ибо можно спорить против аргументов, но нельзя спорить против откровений интуиции и вещаний.

Основная тема Пушкина, по Гершензону, — изображение неполноты и совершенства. Совершенство не желает и не действует, ущербность, взаплав совершенства, желает и действует и этим желанием и действием только глубже погружает себя в ущербность и т. п. Самому Пушкину не было дано полноты, совершенства; судьба повела его, по Гершензону, через страсти и душевный холод (это Пушкина-то!) и т. д. «Разумение Пушкина совершенно духовно, т. е. имеет своим предметом исключительно жизнь духа, так как в духе он видит не только единственное творческое начало и всеобщего двигателя, но и единственную реальность мироздания, веществу же приписывает лишь призрачное бытие, которое создается и определяется каждый раз данным состоянием духа». Стоит ли опровергать это утверждение? Не ясно ли, что оно вытекает из мировоззрения Гершензона и им навязывается Пушкину. Не ясна ли до очевидности, до беспорности полная неприменимость его к Пушкину. Всякое время, всякая группа, всякий слой может по своему истолковывать такое огромное явление, каким остается Пушкин, и эти групповые истолкования могут быть ценны для характеристики эпохи, но в ученом расследовании, научном изучении Пушкина им не место: они нисколько не обогащают наших знаний, наоборот, облекают густой пеленой и то немногое, что мы действительно знаем, становятся на пути объективному изучению. Для вещателя-мистика объективное наблюдение терлет свою нудящую силу, способности критического анализа подменяют игрой воображения, не лишенной известной доли занимательности, и только. Наконец, наступает момент, когда такой мистический исследователь, опрокидывающий действительность в мистические бездны, сталкивается с здравым смыслом и получает от него жестокий удар. Благо ему, если этот удар заставит его очнуться.

Так случилось и с Гершензоном. Его статья, появляющаяся

впервые в печати в новой книге, — «Скрижаль Пушкина», — наносит этот жестокий и беспощадный удар автору за то, что в своей работе над Пушкиным он совершенно удалился от Пушкина и занялся выявлением мистических глубин своего я в своих изучениях, яко бы, Пушкина. «Скрижаль Пушкина» — тоже манифест, несущий новое откровение всем жалким исследователям и ничтожным читателям Пушкина. Как и подобает манифесту, он выразительно краток. Его нельзя цитировать, а надо привести целиком. Вот возвещенная новым Моисеем «Скрижаль Пушкина»:

«Самую поразительную из страниц, написанных Пушкиным, постигла и судьба поразительная. Ее никто не знает; ее нет, сколько мне известно, ни в одном собрании его сочинений; ее только раз, в деловом порядке, неточно напечатал В. Е. Якушкин в составленном им описании рукописей Пушкина. — На отдельном листке плотной шершавой бумаги, с обеих сторон, от верха лицевой до самого конца оборотной страницы написано его рукой следующее:

«Руссо сказал: *il n'y a de beau que ce qui n'est pas*. Это не значит: прекрасно только то, что не существует. Прекрасное существует, но его нет, ибо оно является нам единственно для того, чтоб исчезнуть, чтобы нам сказаться, чтобы нам оживить, обновить душу; но его ни удержать, ни разглядеть, ни постигнуть мы не можем. Оно не имеет ни имени, ни образа; оно посещает нас в лучшие минуты жития. Величественное зрелище природы, еще более величественное зрелище души человеческой, поэзии, счастье, несчастье дают нам сии высокие ощущения прекрасного — и весьма понятно, почему почти всегда соединяется с ними грусть... но грусть, не приводящая в уныние, а животворная, сладкая; какое-то смутное стремление... Это происходит от его скоротечности, от его невыразимости, от его непостижимости... прекрасно только то, чего нет. В эти минуты живого чувства, стремишься не к тому, чем оно произведено и что перед тобой, — но к чему-то лучшему, тайному, далекому, что с ним соединяется и что для тебя где-то существует. И это стремление есть одно из невыразимых доказательств бессмертия души: иначе отчего бы в минуту наслаждения не иметь полноты и ясности наслаждения. Нет, эта грусть убедительно говорит нам, что прекрасное здесь не дома, что оно только мимопролетающий благовеститель лучшего... оно есть восхитительная тоска по отчизне, оно действует на нашу душу не настоящим, а темным, в одно мгновение соединенным воспоминанием всего прекрасного в прошедшем и тайным ожиданием чего-то в будущем.

А когда нас покидает,
В дар любви у нас в виду
В нашем небе зажигает
Он прощальную звезду. —

«Важность этого призвания не умаляется тем, что семя его запало в душу Пушкина извне. Знающие, конечно, тотчас вспомнили стихотворение Жуковского «Лалла Рук». Действительно, Пушкин воспринял туманную мысль Жуковского, но углубил ее безмерно и выразил с такой несравненной четкостью, наглядностью, почти осязательностью, какие дает только глубокий личный опыт.

«Приведенная страница — ключ к пониманию Пушкина. Так вот каким светом светит его поэзия. Он в опыте твердо узнал небытие воплощенного мира и открытым взором созерцал проблески совершенной красоты сквозь земную явь: он не только видел иной мир, — он и признавал, что видит его. И не случайно эта страница открылась впервые мне, от юных лет познавшему на земле одну эту правду: правду о лучшем мире».

Прочитав этот абзац статьи Гершензона, нельзя не подивиться искренности тона и наивной заносчивости. Недаром эта страница открылась ему, Гершензону, познавшему с юных лет одну правду: правду о лучшем мире. Просто неловко читать такую словесную дребедень. Но однакож, куда как далеко его метнуло! В своем беге за сокрытым ключом к пониманию Пушкина Гершензон оторвался от действительного Пушкина, так зарвался, так занесся, что прямо-таки забыл Пушкина, запомнил его творчество, его поэзию. Не решаемся сказать: Гершензон не знал и не знает Пушкина, но уверенно говорим: Гершензон знал и забыл Пушкина, забыл настолько, что с полным убеждением выдал за новую неизвестную страницу Пушкина отрывок, принадлежавший перу Жуковского. Да, это так: скрижаль, которая, по мнению Гершензона, ни много, ни мало дает ключ к пониманию Пушкина, страница, в которой Пушкин выразил мысль о существовании прекрасного с такой несравненной четкостью, наглядностью, почти осязательностью, какие дает только личный опыт, эта скрижаль принадлежит именно Жуковскому. Для всякого исследователя, для всякого учителя словесности, наконец, для любого вдумчивого читателя ясно, что в этой скрижали нет ни пушкинского слога, ни пушкинской мысли, что и по стилю и по содержанию скрижаль сильно напоминает Жуковского, даже если бы и не были процитированы стихи из его «Лалла Рук». Гершензон не почувствовал этого; он основательно забыл и Пушкина и Жуковского, и, найдя ключ к Пушкину, не дал себе труда даже посмотреть в издание сочинений Жуковского, где эта скрижаль полностью печатается в примечании к «Лалла Рук».¹

Если бы Гершензон следил за литературой своего предмета

¹ Сочинения Жуковского, изд. 7-е, под ред. П. А. Ефремова, СПб. 1878, т. II, стр. 327, или изд. 10-е, под ред. его же, СПб., 1901, стр. 213, или изд. Т-ва Сытина, под ред. А. Д. Алферова, М., 1902, т. I, стр. 148.

(а ученому исследователю не мешало бы делать это!), то в 1916 году он мог бы прочесть в 6-й книге «Русского Библиофила» статью Б. Л. Модзалевского «Из альбомной старины», а в этой статье вписанный собственноручно Жуковским в альбом Е. Н. Мещерской, рожд. Карамзиной, текст рассуждения о прекрасном. Свернув пушкинский список с двумя текстами Жуковского по собранию сочинений и по альбому, Гершензон мог бы прийти к выводу, что пушкинский текст почти тождествен с текстом альбома, а от текста сочинений он отличается вариантами.

Вот тебе и ключ к пониманию Пушкина, вот тебе и самая поразительная его страница, которую постигла и судьба поразительная, — страница, свидетельствующая о глубоком личном опыте Пушкина, доказывающая, что он в опыте твердо узнал небытие воплощенного мира и т. д... Какой неслыханный пассаж для ученого историка, пушкиниста и критика и какой удар для верующего в интуицию мистика — прямо в роде открытия мощей в наше время. Итак, случайно или не случайно «открылась эта страница Гершензону, от юных лет познавшему на земле одну правду: правду о лучшем мире»? Хотелось бы думать, не случайно. Быть может, такой поразительный скандал образумит Гершензона, собьет с него спесь самолюбленности и с пути интуитивных откровений, которые не стоят ломаного гроша, повернет его на дорогу вдумчивой и внимательной работы над материалом, над изучением литературы предмета. Быть может, он бросит заумные речи и заговорит простым языком и перестанет пускаться в публику манифесты об открытиях, совершаемых им в пустом пространстве. У нас так мало дельных исследователей литературы, что не хотелось бы окончательно потерять и Гершензона. Но, читая его новейшие изыскания, мы должны помнить о скрижали, вознесенной Гершензоном. На его опытах о мудрости Пушкина скрижаль ставит крест.¹

¹ Гершензон умер 20 февраля 1925 г.